

**Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования.
Пер., коммент., вступ. ст., прилож. и общ. ред. А. Д. Пантелеева.
(Via Sacra. III). СПб.: ИЦ “Гуманитарная Академия”, 2017. с. 384.
ISBN: 978-5-93762-116-0**

Родионова Ю. В. выпускник кафедры истории Церкви исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, ORCID: 0000-0002-6378-6317, e-mail: cardio2008@yandex.ru

Российский журнал истории Церкви. 2020;1(1):11. doi:10.15829/2686-973X-2020-1-14

**Early martyrdom. Translations, comments, and research.
Per., comment., Intro. art., app. and the general editorship
of A. D. Panteleev. (Via Sacra. III). SPb.: IC “Humanitarian Academy”,
2017. p. 384. ISBN: 978-5-93762-116-0**

Yulia V. Rodionova, graduate of the Department of Church History of the Historical faculty of M. V. Lomonosov Moscow State University, ORCID: 0000-0002-6378-6317, e-mail: cardio2008@yandex.ru

Russian Journal of Church History. 2020;1(1):11. (In Russ.) doi:10.15829/2686-973X-2020-1-14

Книга представляет собой сборник переводов на русский язык с комментариями агиографических текстов, посвященных гонениям на ранних христианах с середины II в. до начала IV в.н.э., и является доступным изложением истории появления “мученичества”, как феномена, оказавшего огромное влияние на последующее восприятие и изучение раннего христианского учения, появление рассказов о мучениках как литературного жанра. Опубликованы десять текстов, снабженных комментариями автора с замечаниями по смысловому толкованию самого перевода, историографическими замечаниями по исследованию каждого из текстов в отдельности и авторскими гипотезами, касающимися причин создания оригинального текста. Также в конце книги даются две краткие статьи: “Мученик в тюрьме”¹ и “Христианское мученичество в контексте римских зрелищ”, исследующие общие вопросы, поднимаемые для толкования текстов в контексте исторической эпохи, когда происходили события, описанные в источниках.

В вводной статье “Христианское мученичество: история явления и жанра”, ориентированной на поддержание интереса читателя, автор предлагает общее представление о складывании феномена мученичества по отношению к социокультурным отношениям внутри Римской империи, объясняя причины, почему “христиане” не смогли встроиться в эту структуру и оказались для нее чужеродным элементом, который вызвал настолько мощный общественный резонанс и изменения в правовом поле, что привел к судам и казням. Подробно разбираются причины появления императорских эдиктов, направленных на борьбу с христианами. Автор признает, что “законодательное оформление этих преследований до времени импе-

¹ В оригинале у автора “Римских зрелищ”.

ратора Траяна остается до сих пор неясным” (с. 8), представляет разные точки зрения групп историков и делает это с осторожностью, не рассматривая изменение в отношении к загробной жизни, которое являлось полной противоположностью тому, что исповедовало большинство населения в описываемое время. Следует обратить внимание на интересную подоплеку желаний самих христиан обрести именно “мученический венец”, на которую указывает автор, поскольку идея самопожертвования в религиозном контексте, ради веского свидетельства истинности учения, является спорной и не была распространена среди иудеев, греков и римлян. Однако, если рассматривать смерть на арене как жертвоприношение, элемент состязания и борьбы, то в этом случае исследователи сталкиваются не с желанием христиан умереть посредством “казни”, а с многовековой традицией публичных “зрелищ” с участием гладиаторов. В то же время автор возвращается к традиционной точке зрения, что “основа концепции мученичества находится в религии Христа” (с. 17), и тогда стремление христиан к мученичеству следует рассматривать как частный случай концепции *imitatio Christi* именно в контексте искупительной жертвы, осуществленной на кресте в определенный момент.

Поскольку корпус книг Нового Завета к тому историческому времени еще только формировался, изучение мученических актов и страстей представляет особый интерес, поскольку эти источники являются отражением представлений ранней христианской общины на способы выражения веры и взаимодействие между ее членами без стойкой опоры на догматы. Автор приводит различные классификации источников, которые приняты в современной научной среде. Также обращает внимание читателя на то, что любой из текстов, дошедший до наших дней, не является неизменным оригиналом, а несет в себе элементы поздних редакций, предназначенных для нужд верующих той или иной общины, с целью донести до них определенные суждения или сформировать у них то или иное мнение на подвиг их предшественников.

Первым вниманию читателя предлагается “Мученичество Поликарпа” из Смирны, в начальных главах которого назидательно рассказывается, насколько мужественно и терпеливо должен принимать мученик все пытки, которые производятся над его телом: “в этот час, под пыткой, мученики Христовы были вне тела, и Господь, представ, беседовал с ними” (с. 35). Хотя в “Мученичестве Поликарпа” практически отсутствует упоминание чудес (кроме описания момента смерти мученика его последователями, с. 44), свойственное христианской агиографической литературе, оно соответствует представлениям о “правильном мученичестве”, характерным для данного исторического времени, о чём публикатор подробно рассуждает в комментариях с привлечением различных мнений исследователей и со ссылками на публикации.

Далее помещен перевод мученичества Карпа, Папилы и Агафоники² (переводы греческого и латинского текстов), казненных в Пергаме во вто-

² Редакцией принято решение привести имена мучеников в традиционном написании, по “Сословию имен”. Публикатор использует “Папил” и “Агатоника”. — Прим. ред.

рой половине 160-х гг. н.э., который представляет собой “протокол допроса”. Эта форма интересна для исследователя тем, что из уст мучеников можно услышать изложение веры, объясняющее отказ от принесения жертв: “невозможно, чтобы я принес жертву ложным призракам демонов, ибо те, кто совершает им жертвы, подобны им” (с. 71), а также интересное замечание свидетеля, характеризующее жертвенность мученика Папилы, подвергающегося бичеванию: “как благородный атлет, принял гнев противника” (с. 74), что, по замечанию автора, часто встречается в ранних мученических актах. Соответственно, противостояние римским властям воспринимается как состязание. Текст мученичества описывает не только полемику с судьей-проконсулом, но и наказания, которым подвергаются Карп и Папила — бичевание тремя парами палачей. Описание казни схоже с казнью Поликарпа Смирнского: сожжение заживо в амфитеатре. “Первым приговоренный к столбу, был поднят, и, когда поднесли огонь...” (о казни Папилы, с. 75), “святой Карп, привязанный к столбу” — казнимых распинали, прибивая или привязывая к столбу (кресту?). Поликарп из Смирны был сожжен заживо, по его просьбе его не прибивали гвоздями, а привязали. В обоих случаях останки были сохранены христианами, а мученики объявлены святыми.

Интересен исторический комментарий о датировках мученичества и появления церкви в Пергаме, о диалоге Карпа и проконсула о богах, о поведении Агафоники, которая добровольно приняла казнь (феномен добровольного исповедания, с. 89), вопрос о соотношении самоубийства и мученичества.

Следующий текст — “Мученичество Птолемя и Луция” — отличается от первых двух. Здесь приводится рассказ о событиях, произошедших в Риме в начале 50-х гг. II в. Из-за того, что некая знатная римлянка приняла христианство и захотела развестись со своим мужем, был схвачен ее наставник в вере Птолемей. Он был осужден на смерть вместе с Луцием и неким третьим лицом, которые выразили несогласие с решением судьи. Текст сохранился в трех рукописях, но приводится его единый перевод. Сюжет интересен тем, что был наказан человек, обративший в христианство римскую матрону, но не она сама. И здесь, по замечанию автора, история может быть интерпретирована не как повествование о некоем прецеденте, а как обличающий и осуждающий рассказ о доносчике (муже римлянки), который стал виновником гибели хорошего и праведного человека. В комментарии читатель узнает много интересной информации об отношениях к доносам и вариативный образ “доносчика”, поскольку причиной может быть не только ссора, страх наказания, но и шантаж. Попытка идентификации приводит автора к рассказу о “валентинианской школе” в Риме (с. 105), представителем которой мог быть упомянутый Птолемей и его биограф — Юстин, о мученичестве которого мы узнаем из следующего текста.

Повествование “Мученичество Юстина Философа и его товарищей”, казненных в Риме в 165 или 167 г. н.э., также построено в форме “вопрос-ответ”, характерной для судебных протоколов. Признание себя “христианами” этой группы, по законам того времени, сразу же повлекло за собой осуждение и бичевание (что указывает на то, что ни один из осужденных

не был полноправным римским гражданином) и казнь через обезглавливание. Также интересен пассаж о том, что у Юстина была некая “школа” (“если кто-нибудь желал прийти ко мне, я делился с ним словами истины”, с. 127), а сам он вступал в публичную полемику с другими философами.

“Послание о лионских и виенских мучениках”, адресованное галльскими христианами единоверцам в Малой Азии и Фригии, датируется 177 г. н.э. В нем христиане рассуждают о злобе язычников (“было запрещено не только допускать нас в дома, бани и на рынки, но и вообще показываться нам когда бы то ни было в любом месте”, с. 133) и о случае, когда их группа внезапно подверглась неистовству толпы, которая приволокла их на форум и потребовала осуждения. Текст интересен тем, что показывает неоднородность группы: часть не проявила стойкости и не признала себя христианами, а также вскрывает причины ненависти окружающих людей (христиан оклеветали их же домашние рабы): “фиестовы пиры, эдиповы смешения” (людоедство и кровосмешение, с. 136), поедание детей (с. 140). В этом мученичестве также присутствует мотив состязания. Также в нескольких главах повествуется о том, как и кого пытали, что, по всей видимости, было важным донести до единомышленников, показав факт мученичества именно в стойкости во время пыток и пребывания в тюрьме.

Перевод этого текста интересен и многогранен для исследования, поскольку повествование идет, по всей видимости, о представителях отдельной христианской общины (все погибшие, в основном, носят греческие имена), которая существовала в Лугдунской (Лион) Галлии и соседней Нарбонской Галлии. Также в рассказе нет традиционного описания судебного процесса и точно неизвестны причины, спровоцировавшие казни: все указывает на то, что это был стихийный процесс, и сам факт христианской веры вызвал ненависть у большинства из местного населения. По этому поводу выдвинут ряд гипотез (с. 158-161). В историческом комментарии рассмотрены еще некоторые аспекты гонения — “христиане были казнены с соблюдением ритуала жертвоприношения” (с. 161) и “представление о правильном мученичестве” (с. 164).

“Акты скилитанских мучеников” сообщают о группе христиан, представших перед судом в 180 г. н.э. в Карфагене. Даются переводы греческой и латинской версий. Оригинальность обеих версий оспаривается, о чем автором дается обширный исторический комментарий. Интерес вызывает и то, что все мученики (семеро мужчин и пять женщин), хотя и носили типичные для Северной Африки того времени имена, были римскими гражданами и поэтому были приговорены к усекновению головы мечом. Поскольку повествование представлено в форме судебной записи, в нем изложены и основы христианской веры, которые были (судя по датировке, хотя и спорной), свойственные первым общинам II в.: “христиане не лжесвидетельствуют и не совершают уголовных преступлений, христиане добродетельны, христиане не почитают идолов, христиане отвергают жертвы гению императора и молятся единому Богу” (с. 188).

“Мученичество Аполлония”, как отмечает автор, существует в нескольких версиях. В книге приводится полный вариант текста без сокращений в формулировках судебной процедуры. Текст интересен подробным изло-

жением разговора между христианином Аполлоном и консулом Перением, который должен его осудить. Следует отметить, что ответы Аполлона, находящиеся на уже более высоком уровне философского рассуждения, объясняют, почему он отказывается поклоняться рукотворным идолам (с. 196–197), а также отношение христиан к смерти: “нет ничего ценнее жизни — жизни вечной, которая есть бессмертие хорошо прожившей в этой жизни души” (с. 198). Суд над Аполлоном состоялся в 185 г. н.э. в Риме, как мы узнаем из комментария, поэтому его можно сравнить с рассказом о Юстине-мученике, который тоже вступает в философский диспут со своим судьей. Этот текст подробно исследуется, поскольку имеется предположение о компиляции двух отдельных документов и пропуске переписчиком некоторых абзацев.

“Страдания³ Перпетуи и Фелицитаты”, наверно, самый читаемый и изучаемый документ, поэтому автор ограничил себя переводом полной латинской версии (существуют еще краткие “Акты”). Сохранились множество версий текста, и исследователи применяют к нему разные подходы, пытаясь оценить даже самые мелкие детали или сюжеты. Это произведение интересно еще и тем, что в нем не просто дается рассказ о мученичестве, но присутствуют и разноплановые “видения”. Автор дает довольно краткий обзор, обращая внимание читателя на основные детали.

Следующий текст — “Мученичество Потамиены и Василида” описывает краткий сюжет мученичества молодой женщины, о которой мы узнаем, как о “прославленной деве”, казненной весьма необычным способом: палачи поливали горячей смолой тело по частям — от кончиков ног до макушки, а также о воине, который вел Потамиену на казнь, проникся к ней сочувствием, объявил себя христианином и тоже был убит. Однако исторический комментарий к этому рассказу достаточно объемный. Автор постарался описать деятельность Оригена и его учеников в Александрии в начале III в., к которым, возможно, принадлежала Потамиена, анализируя свидетельство Евсевия Кесарийского в “Церковной истории”. Конструкт рассуждений идет не от Потамиены, а от Василида, который мог быть учеником Оригена, а уже к его смерти был привязан рассказ о казни женщины. Автор предполагает, что включение этого сюжета в “Церковную историю” преследовало полемическую цель (с. 258), чтобы опровергнуть обвинения Оригена в увлечении учением гностиков и в “моральной несостоятельности” (в предпочтении “умозрительного благочестия практическому, в уклонении от мученичества и сексуальной распущенности”). Этот рассказ является первым свидетельством об александрийских мучениках.

“Мученичество святого пресвитера Пиония и его товарищей” завершает список приведенных в книге переводов и рассказывает о событиях, произошедших в Смирне во время гонения Деция в начале 250 г. н.э. Первые главы рассказа содержат защитную речь Пеония на агоре, в которой он объясняет свою позицию по отношению к принесению жертв по приказу императора. Далее повествование строится в форме диалога-допроса христиан блюстителем храма Полемоном, а затем идут описания: действий

³ В оригинале у автора “Страсти”.

будущих мучеников в тюрьме, где Пионий вновь рассуждает о вере, попытки насильно заставить их совершить жертвоприношение, допросе проконсулом, сожжении Пиония, распятого на кресте.

Исторический комментарий интересен тем, что знакомит читателя с подробностями гонений Деция и историографией исследований самого текста о мученичестве: как именно формировалась его основа. Поднимается вопрос и об “отступничестве”, поскольку многие христиане уже не рассматривали мученичество как некий священный акт (как это было в предшествующих записях о мученичествах). После окончания преследований перед оставшимися в живых христианами остро встал также вопрос о том, как принимать в общину тех, кто отрекся. “Пионий хотел дать им какую-то надежду, но старался следовать “средним” путем: он не требовал от них мученичества как единственного пути искупления, но и не собирался прощать всех без разбора” (с. 306), — обращает внимание автор, и именно это обстоятельство — отсутствие единого мнения — указывает на датировку текста.

Таким образом, представленная книга восполняет лакуну в источниковой базе отечественных исследований, посвященных раннему христианству и истории Церкви. Переводы снабжены подробным историческим комментарием с привлечением обширной литературы, как зарубежной, так и отечественной. Издание предназначено для исследователей христианства, историков и религиоведов, поскольку предлагает взглянуть на историю мученичества в контексте их преследования не только как “инаковерующих”, но возможно, как “инакомыслящих”. Христианская концепция мира и последующих метаморфоз души кардинальным образом расходилась с общепринятой, начисто отрицая ее, и в то же время — присутствие элемента состязательности и борьбы, внутренних общественных взаимоотношений в плане общего жития и культурных ценностей, является интересным посылом для дальнейших исследований.